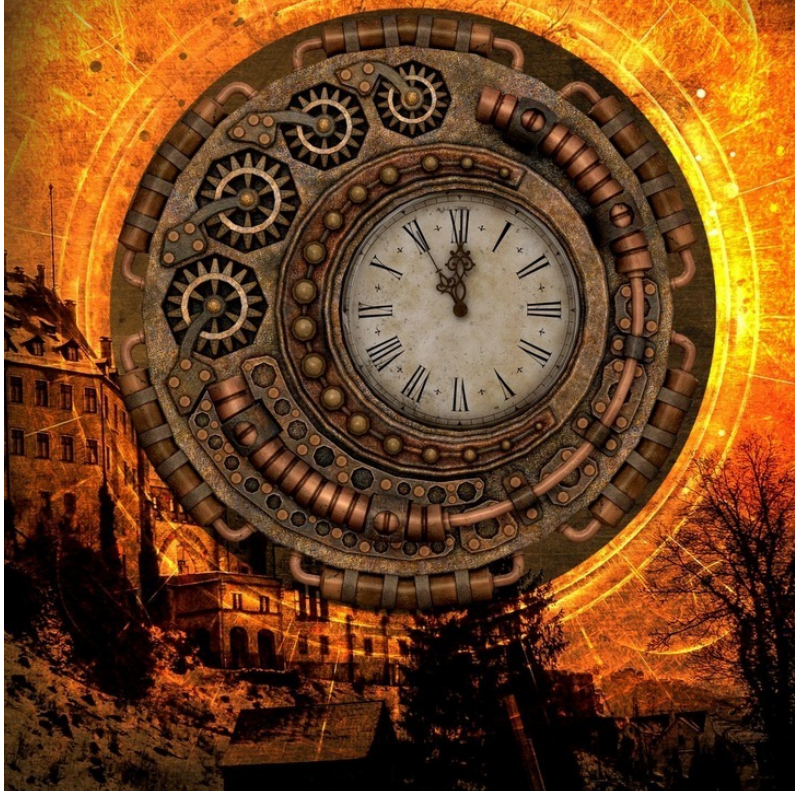

РЕЙНМАСТЕР

Город мастеров

Рейнмастер

Город мастеров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45568519

ISBN 9785005052377

Аннотация

В минуты, когда мир вдруг теряет яркость, а воспоминания дарят только боль от прошлых ошибок, эта необычная книга может стать кнопкой reset. Три цикла стихотворений: «Город мастеров», «Главный герой» и «(Бес) человеческое» – помогут нырнуть глубоко под стереотипы современного бытия и вынырнуть в стандарты городских реалий без потери силы собственной личности. Наоборот, такой прыжок позволит расширить и раскрасить индивидуальность в суетливых деловых буднях.

Содержание

Город мастеров	5
Тайник	5
Ящерка	7
Типично архетипичное	8
Маршрут	10
Неладное	12
Морозяка	13
Мы – команда	15
Нечленораздельно апокалиптическое	17
Созерцательное	19
Незатейливо первобытное	20
Маленькие и тёплые	21
Гость	22
Любопытная тема	23
Новогоднее	25
Выходной	26
Объяснительная	28
О графах и князьях	30
Лого-зарядка	32
Побег из лангольерной2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Город мастеров

Рейнмастер

Корректор Валентина Корионова

Благодарности:

Александр Грохотов

© Рейнмастер, 2019

ISBN 978-5-0050-5237-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город мастеров

Тайник

Разноцветные камни в песчаном узор,
Бирюза и плавник.
Задыхаясь приливами, плещется море...
Поздним вечером выскользну
в маленький дворик
И устрою тайник.

Из бутылочных стёкол, невидимых глазу,
Запотевших насквозь,
Получаются лучшие в мире алмазы,
Огранённый хрусталь,
Жемчуга,
И топазы,
И слоновая кость.

Голубые пески гематитом богаты.
В колдовской тишине,
Как пролитые звёзды, сияют агаты:
Их, наверное, здесь разбросали пираты
И оставили мне

Ожерельную нить —
Переплёт виноградин,
Кружевной ламбрекен...

Кто умеет хранить —
Тот не будет обкраден
Никогда и никем!

Под небесным крестом, среди южных соцветий
Занемееет рука.
Ни биенья, ни вздоха:
В строжайшем секрете
Опущу сокровенную память о лете
В глубь земли-
Тайника...

Ящерка

Не знающий осторожности,
Как ящерка в кулаке,
Зародыш ранней возможности
Свивается на песке.

Тщедушный, несформированный,
Зазябший от ветерка,
До трепета очарованный
Движениями песка.

Он слушает колыхание
Причудливых медных дюн.
Прозрачно его дыхание,
И сам он ещё так юн,

Что может в своей беспечности,
Предвидя песчаный шторм,
Мечтать об огранке вечностью
В одну из первичных форм.

Типично архетипичное

– *Моё имя... Христиан-Теодор?*

– *Я запомню! (произносится с угрозой)*

Я учёный и, значит, критичен вдвойне,
Недоверчив и сдержан, однако
Скептицизм не даёт основания мне
Сторониться намёков и знаков.

После точных занятий, расставив тома
По порядку, в вечерней тиши
Я пытаюсь лечить близорукость ума
Дальнозоркостью глаз и души.

Предположим, дана
Нам свеча и стена.
Очень просто.
Так в чём же загвоздка?
А проблема лишь в том, что пока не ясна
Эта странность на белой извёстке.

Не помарка, не плесень – слепое пятно.
Я пытаюсь его соскрести.
Но подушечки пальцев с пятном заодно,
И меня начинает трясти:

Непонятное нечто, аморфная суть,
Тошнотворная даже на ощупь!
Я пытаюсь её шевельнуть, растянуть,
Изучить консистенцию, площадь,

Разложить и исчислить. Но вязкая тень
Обретает всё большую живость.
Она дышит, танцует и просит: «Задень!
Будь учёным, забудь про брезгливость».

Я учёный и верю в Реальность и Факт,
Даже если мой разум в смятении.
И поэтому я буду двигаться в такт
В полушаге от собственной тени.

Маршрут

Ранний сбор. Туман. Роса свежа ещё,
Привокзальный сумрак ждёт рассвета.
Хорошо быть вольным отъезжающим
Без вещей и денег. Без билета.

Может, не проверят? У компостера
Ворон пассажиру глаз не выстучит,
Всё равно чужие ведь,
Не гости мы,
Сборище пустых дорожных выскочек.

Первый час вразлёт... Тусклы прожекторы,
Вентили и клапаны закрыты,
Дверь забита. Гонка за сюжетами
Позабыта. Всё уже забыто.

Чашки дребезжат от сотрясения,
Полки заполняются усталыми.
Кажется, сегодня воскресенье —
Или вознесение над шпалами?

Наобум и в гору — «Сортировочный»,
Пустота, как сопло, давит уши,
На часах — ноль-три ориентировочно,
И радиный ключ сиплей и глуше:

– Туки-тук.

Зачем?

С больничных станций

Выужит ночь: мол, что, бродяга, выдуришь?

Долог бег на длинные дистанции,

На коротких выдохнешь —

И выгоришь...

...

«Подъезжаем!» — тамбур вспыхнул саваном;

Колокольни — в гомон растревоженный:

Незнакомый город... Слава! Слава нам!

Не сошедшим раньше,

Чем положено.

Неладное

Что-то нынче с рассветами —
Какие-то не такие:
Становятся незаметными
Знакомые городские.

Душевно с тобой общаются,
Подходят интимно-близко,
А утром – развоплощаются:
Ни запаха, ни записки!

И только фрагменты помнятся
Их красочных обещаний.
«Мария Целеста» полнится
Оставленными вещами.
Заброшенными каютами,
Забытыми сигаретами...

Тревожно и неуютно мне:
Неладно нынче с рассветами!

Морозьяка

Обмороженным пальцем по хрусткому льду
Вывожу «мене, текел...» и что-то на «ху»,
Бормочу сиплым шёпотом: «Слава труду!» —
Контролёру небес, что застыл наверху.

Вот такая зима: перемёрзли тела,
Кровь, как всякая жидкость, покрылась слюдой.
Опустели дома, погрустнели дела,
Поистратился дед с ледяной бородой:

Ни подарка, ни денег. Умру, но сверну.
Наломаю дровец. Разведу костерок.
Затрещал? Хорошо. Я, пожалуй, сосну
И просплю безмятежно оставшийся срок.

Напрягаться – ни-ни, утруждаться – фигвам,
Баю-бай, я уже отъезжаю в Дубай
Надавать холодам
По мордам,
По зубам.
Контролёр-гастролёр, за проезд передай!

«Мене, текел...», а дальше? А дальше луна
Закрывает глаза, уплывает в постель.
Баю-бай, бледнолицая, крепкого сна...

Контролёр, покачай же мою колыбель!

Покачай – не скучай, поддержи, дай совет,
Как остаться живым, не распавшись в труху.

А в ответ я тебе прочитаю сонет

Про усталость, и старость, и что-то на «ху»...

Мы – команда

Мы команда.

Мы спаяны насмерть в одно

Монолитное, прочное альфа-звено

Генетической ленты.

Мы тот маховик,

Что сминает материю, как черновик,

Сохраняя движение.

Кабель в разъём —

Мы энергию тела друг другу даём.

Эй, подъём!

Мы команда.

Мы знаем цвет глаз и волос.

Гемограмму.

Анамнез.

Секретный вопрос.

Постучи – я открою. Зажмурься – внутри

На багровых пространствах стоят алтари.

Тридцать три.

Абсолюта живые кресты,

Мы от сердца до сердца проводим мосты.

Это ты...

Мы команда —

Не дёрнешься – больно, хоть взвой!

Мы надёжно спелёнуты тканью живой,

Мозговой оболочкой – в нейронную сеть.

Мы не можем...

Не смеем...

Сгореть...

Умереть...

Расслоиться под мягким нажимом резца.

Мы команда.

Мы будем с тобой до конца!

Нечленораздельно апокалиптическое

По радио передали,
Что будущего не будет
И прошлое тоже вышло —
Курите бамбук и травку.

Забавно, а мы не ждали.
Да ладно, свои же люди!
Сто тысяч чертей им в дышло,
Пророкам на четверть ставки!

Они нас гнетут прогнозом
Февральского рагнарёка:
Мол, кризис, пучина бедствий,
Страна умирает в муках...

Мы только пришли с мороза,
И нате — опять морока:
В тумане причин и следствий
С разгону такая штука!

А можно без негатива?
«Кошмарно, а дальше хуже»,
«Ужасно, всё бренно-тленно»
И прочее «ах ты боже»...

Давайте умрём красиво,
С шампанским вином – кому же
Ещё показать Вселенной,
На кой мы ей дьявол гожи?

Морозы себе крепчают,
А с ними крепчают люди.
Мы будем из стали с перцем
До самых армагеддонов.
В стотысячный обещая
Себе и другим, мы будем
Стучать закалённым сердцем
В покоцах от закидонов.

Тик-так, до забвенья малость:
На небе – чернила с кровью,
И мертвенно-бледный мерин
Ступает по сухостою.

В бутылке ещё осталось...
Немного. Твоё здоровье!
Вот прямо сейчас проверим,
Чего мы на деле стоим...

Созерцательное

Опрокинутое в лето
Чехардой дневных скачков,
Солнце прыскает дуплетом
В мякоть суженных зрачков.

Все цвета прямой наводкой
Устремились к рубежу,
За которым я, как в лодке,
Опрокинутый лежу.

Разнозвучного эфира
Освежённый дуновеньем,
Поглощаю прелесть мира
И фиксирую мгновеньем

Облака в чешуйках рыбьих,
Тонкий проблеск паутины...
И прямой в небесной зыби
Треугольник гильотины.

Незатейливо первобытное

Хорошо быть яйцом истории,
Человеческим первым семенем,
На непознанной территории
Возлеянным диким временем.

В кайнозойских уютных впадинах
Хорошо на корнях неровных
Доедать виноград, украденный
У медлительных теплокровных.

И под липкими эвкалиптами
В динозавровом одиночестве
Заниматься – реликт с реликтами —
Глинотворчеством, камнезодчеством.

Хорошо, когда дней привычное
Суетливое разномастье
Дарит чистое,
Дологичное,
Прапростое земное счастье!

Маленькие и тёплые

Пожалуйста, тише! Дыши осторожно,
Смотри, куда ставишь тяжёлые ноги,
Ведь в тонком эфире парят бестревожно
Условно возможные Мелкие Боги.

На каждом квадрате, песчинке, реснице
Толпятся и выются неявным намёком.
Почти нереальны, но могут присниться,
А могут и в явь просквозить ненароком.

Они тебя любят и белым, и гадом.
Да так ли уж важно, кто Авель, кто Каин?
Открой им калитку, затепли лампаду.
Впусти в своё сердце.

Плесни молока им.

Прозрачные сущности в шубках дремотных
Развеют остатки дневных сожалений,
И маленький Боже Пушистых Животных
Застенчиво прыгнет к тебе на колени.

Гость

В тоскливый сумеречный час,
Как конь в чужом пальто,
Решив собой потешить нас,
Явился чёрт-те кто.

Он был встревожен чёрт-те чем
И в чёрт-те что одет.
И на вопрос «Куда? Зачем?»
Не мог найти ответ.

Возможно, где-то чёрт-те кто,
Который намба два,
В ночи напрасно ждал его
И подбирал слова.

А он – сюда, где мы, поверь,
Не ждали никого.
И мы приотворили дверь
И выгнали его.

И долго слушали потом
Его нетвёрдый шаг.
И засыпал тихонько дом,
И остывал очаг...

Любопытная тема

Уединённо, потаённо, скрыто.
Бодрясь и затухая вновь и вновь...
Так и должна происходить защита
Магистерской работы про любовь.

Седая профессура оживает
Под монотонный, вялый пересказ,
Подмигивает, почки раскрывает,
Цветёт, впадая в творческий экстаз.

«Ну что же, актуальность очевидна».
«А вот про эрос – сухо и общо».
«Проектор поверните – нам не видно».
«Откройте слайд с эмпирикой ещё!

И не частите! Истина – в деталях,
Которые без линз как буква икс».
«Коллеги, мы же вроде не устали?»
И вы не прерывайтесь. Съешьте «Твикс»!»

Забыты неурядицы дневные.
Доценты ухмыляются: «Why not?»
И тезисы, хотя бы основные,
Спешат переписать себе в блокнот.

А профессура зря не суетится.
К чему? Ведь благодарный магистрант
Всем тем, кто дал бедняге защититься,
Отправит электронный вариант.

Новогоднее

В преддверьи ноогенного невроза
Я жду вестей от Дедушки Мороза,
Пью Nescafe и плачу в календарь:
«Пожалуйста, хотя бы в первых числах
Черкните мне на мыло пару смыслов,
Которые согреют мой январь!»

Зима сегодня выдалась суровой,
Минорной, пожилой и нездоровой,
Как будто мир немного одряхлел.
И я как будто тоже одряхлела,
Необратимо мёртвым стало тело,
И горизонт мой враз отяжелел.

И в упованьи на январский день я
Напрасно предвкушаю возрождение,
Всё жду, как Мальчик-с-пальчик в три вершка,
Когда ж волшебник в белых босоножках
Проскачет по неведомым дорожкам
И смыслов мне отсыплет из мешка!

Выходной

Устроим выходной?

Уйдём в отрыв,

Развесив пиджаки по спинкам кресел.

Сезон прошедший так накуролесил,

Что впору удавиться, перерыв

Счета, где отправитель не указан,

С пометкой «Оплатить, а то кранты».

Вот йод, стерильный пластырь, вот бинты...

Я оплачу, конечно.

Но не сразу.

Устроим выходной?

Я так устал.

И ты – мы ошалели от текучки,

А вместе с нами мир дошёл до ручки,

Померк и улыбаться перестал.

Устроим выходной: пошлём к буйкам

Все эти «непременно», эти «надо»!

Кому приспичит – может до упаду

Слоняться по бумажным тупикам,

Беспомощно рыдая о своём

В тисках амбициозного блицкрига.

А мы?

Мы отчебучим джигу-дрыгу,

Депрессию верёвочкой завьём.

Пускай верховный Босс грозит бичом

За шум и гам, устоев сотрясение.

Мы скажем: «Извините – воскресенье!»

И хлопнем.

И закусим калачом!

А после – побежим по проходной,

В пылу азарта обрывая вожжи...

Но это будет позже,

Много позже.

Сейчас же...

Десять...

Девять...

Выходно-о-ой!

Объяснительная

И снова я поздравить не смогла!
Забыла. Растрясла остатки смысла,
Попутала созвездия и числа
И опоздала.
Скверные дела.

Который год – а память на нуле.
Зарубкой на носу себя спасаю,
Но вдруг подсечка:
Р-раз! —
И подвисаю
В сжимающейся временной петле.

Днём раньше или позже – не беда.
Ведь, ей-же-богу, это не нарочно!
Я так боюсь, что малая оплошность
Однажды нас разделит навсегда.

Позвольте ж обойтись без вех и дат,
Без юбилеев, что летят навстречу.
Я вам другую линию намечу,
Лишённую абсцисс и ординат.

Она пробьёт все мантии Земли,
Согнёт ту ось, что плоскости вращает.

Не обижайтесь, правда,

Обещаю:

Я выну вас из временной петли!

О графах и князьях

Его девиз – «Никто, нигде и никогда» —
Распространён и всеобъемлющ, как экватор.
Остерегайтесь, люди:
В ваши города
На всех парах несётся граф
Де Мотиватор!

Он выжигает трудовой энтузиазм
Напалмом, мемом, анекдотом, едким натром.
Его оружие – карающий сарказм,
Припорошённый тошнотой Камю и Сартра.

Системный винтик, оборви свой Интернет:
Де Мотиватор заражает даже взглядом!
Сопротивляйся, но признай: пощады нет,
Твой офис пал.
Все отравились трупным ядом.

А вслед идёт уже, разбрызгивая грязь,
Давя упавших и уставших,
Император,
Великий князь,
Причинно-следственная связь,
Неотвратимый старший брат —
Де Терминатор.

Лого-зарядка

Сфинкс предлагает загадку.
Как от него отвязаться?
Главное, не состязаться
С силами миропорядка.

Эта простая зарядка
Вынет меня из нирваны,
Мигом поднимет с дивана,
Вычесет сонные прядки.

Сфинкс улыбается кисло
С ноткой сопливой простуды:
«Что, не нашёл свои смыслы?
Больше я медлить не буду.

Хитрый кусок словоблуда!
Стонешь, как будто в театре.
Лепишь свою кузинатру¹
К месту, не к месту – повсюду».

Сфинкс, не ругай кузинатру!

¹ Кузинатра – понятие, появившееся в результате ошибки переводчиков книги «Карты Судьбы» Р. Желязны. Кузинатра как смысл всего упоминается в одной из серий «Смешариков».

В поисках нужного дела,
Чтобы душа не твердела,
Слушаю Фрэнка Синатру.

Кто-то бредёт к психиатру,
Кто-то бредятину пишет.
Сфинкс, переваривай тише
Наши волшебные мантры!

В сливках сгущённого слова
Немудрено утопиться.
Жаль, что не смог откупиться...

Завтра попробую снова.

Побег из лангольерной²

Шар земной у тебя на плечах.
Ты завис, и с тобой – перегруженный мир.
Лангольеры покатаются —
Чавк!
Буква икс,
А за нею пунктир, и пунктир,

И пунктир...

Хорошо!
Я от бабки ушёл,
От дедлайна, таймлайна, разведки.

Все мои однозначные предки
Однозначно твердят:
«Ты дурак, ты смешон!»

Неужели?

*«Ты – лузер,
Процесс завершён.
Лангольеры сжирают объедки».*

² Лангольеры – вымышленные чудовища из повести С. Кинга, меховые шарики, которые съедают прошлое.

Эта горькая сказка должна быть иной!

Сбросьте с плеч моих бремя – окатыш земной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.